

Pierre Gonneau

Universite-Paris-Sorbonne
Institut d'études slaves
9 rue Michelet 75006 Paris
France

Откуда есть пошла «беременная вдова»? Древнерусский источник очерков А. Герцена *С того берега*

Цель этой статьи – вскрыть исторический или литературный прототип «беременной вдовы», появившейся под пером А. И. Герцена в его очерках *С того берега* (1849–1850). Ее прототипом могла быть герцогиня Беррийская Мария Каролина, которая родила сына, Генриха Шарля д'Артуа, графа де Шамбора, 29 сентября 1820 года, почти восемь месяцев спустя после того, как бонапартист Лувель убил ее мужа. Но этот последний представитель старшей линии французских Бурбонов никогда не правил. В русской истории «беременная вдова» может, на первый взгляд, напомнить о судьбе императора-младенца Иоанна Антоновича и его матери, но речь идет лишь о частичной аналогии. Напротив, история рождения Святополка Окаянного в *Повести временных лет* (в лето 6488/980) вполне укладывается в образ, созданный Герценом. Таким образом, именно ПВЛ сознательно (или подсознательно) стала источником автора.

Ключевые слова: «беременная вдова», очерк, А. Герцен, *С того берега*, *Повесть временных лет*.

Wherefrom Comes the 'Pregnant Widow'? An Old Russian Source for the Author of 'From the Other Shore'

The aim of the paper is to find the historical or literary prototype of the 'pregnant widow' described by Alexander Herzen in his collection of essays 'From the Other Shore' (1849–1850). The following possible sources are considered. The duchess of Berry Marie-Caroline gave birth to Henri Charles d'Artois, count of Chambord, on the 19th September 1820, almost eight months after a Bonapartist by the name of Louvel had killed her husband. But the child, last heir of the elder line of the French Bourbons, never reigned. In Russian history, the fate of Tsar Ivan VI (proclaimed in 1740) and his mother offers a parallel, but only partly fits the story of the pregnant widow. The episode of the 'sinful birth' of Svyatopolk the Accursed Prince in 'The Tale of Bygone Years' ('The Russian Primary Chronicle') so perfectly corresponds with what Herzen describes that it can be identified as the author's – conscious or unconscious – source.

Keywords: 'pregnant widow', Herzen, 'From the Other Shore', 'The Russian Primary Chronicle'.

На страницах своих очерков *С того берега* (1849–1850) А. Герцен вынес суровый приговор Европе после поражения революционных движений 1848 года: «Видимая, старая, официальная Европа не спит, – она умирает»¹. Герцен написал эти очерки под влиянием своих первых западных впечатлений, с точки зрения разочарованного западника. Первая версия очерков была написана по-немецки. Может показаться, что, стоя на чужих берегах, автор полностью оторвался от русской традиции. И все же, одна замечательная фраза отсылает нас назад к русской истории, к самым ее началам.

Эта фраза недавно была актуализована благодаря Мартину Эмису, опубликовавшему в 2010 г. роман *Беременная вдова* (*The Pregnant Widow*). Заглавие Эмис взял именно у Герцена. Он воспользовался аллегорией, чтобы охарактеризовать растерянность своих героев – молодых людей начала 1970-х годов, оказавшихся в сетях сексуальной революции. Что же касается Герцена, то он также хотел представить страх и трепет поколения 1850-х годов в роковой период между неудачей революцией 1848 года и надвигающейся (но непредсказуемой) отменой крепостного права. Здесь и появляется пугающий образ – «беременная вдова»:

Смерть современных форм гражданственности скорее должна радовать, нежели тяготить душу. Но страшно то, что отходящий мир оставляет не наследника, а беременную вдову. Между смертью одного и рождением другого утечет много воды, пройдет длинная ночь хаоса и запустения².

Конечно, можно предположить, что Герцен просто выдумал аллегория для ужасов войны в духе Франциско Гойи или Жака Калло и что сам образ возник у него в разгаре творческого процесса. Но можно и поискать исторические примеры.

Немногие наследники престола европейских держав родились после гибели своих отцов. Если начать с Франции, то речь идет об Иоанне Первом Посмертном (Jean Ier Posthume), сыне Людовика X. Его отец умер 5 июня 1316 г., а Иоанн родился 14 ноября и умер почти сразу же, 19 ноября. Его совсем забыли бы, если бы не было Иоанна II Доброго (Jean II le Bon). Гораздо ближе к Герцену (и намного интереснее для него) был случай графа де Шамбора, последнего представителя старшей линии французских Бурбонов. Генрих Шарль д'Артуа, граф де Шамбор, известный также как герцог Бордо (Henri Charles d'Artois, comte de Chambord, duc de Bordeaux), родился 29 сентября 1820 года, почти восемь месяцев после того, как бонапартист Лувель (Louis Pierre Louvel) убил его отца, герцога Шарля Беррийского (Charles Ferdinand d'Artois, duc de Berry). Известный поэт и монархист Альфонс де Ламартин назвал мальчика «дитя чуда». «Беременной вдовой» была в этом случае

¹ Благодарю коллег А. Лаврова и М. Мерво (Mervaud) за их советы и помощь. А. И. Герцен, *Собрание сочинений в тридцати томах*, т. 6, Москва 1955, с. 115.

² Там же, с. 116.

герцогиня Беррийская Мария Каролина (Marie-Caroline de Bourbon-Siciles, duchesse de Berry). Но здесь наследник представлял не новое время, а именно отходящий мир. К тому же, Генрих никогда не сидел на троне, но был всю жизнь законным претендентом и главой легитимистской партии во Франции.

Возвращаясь к русской истории, нельзя не вспомнить о случае Иоанна VI. Сын Анны Леопольдовны Мекленбург-Шверинской³ и Антона Ульриха герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского (Anton Ulrich Herzog von Braunschweig-Wolfenbüttel), Иоанн VI родился 12/23 августа 1740 г. и был признан наследником императрицей Анной Иоанновной. Он формально царствовал с 17/28 октября 1740 по 25 ноября/6 декабря 1741 г., когда он был свергнут с престола Елизаветой Петровной. Вся его последующая жизнь, вплоть до убийства под предлогом попытки к бегству при Екатерине II (5/16 июля 1764 г.), прошла в заключении. Герцен действительно интересовался новейшей историей России и опубликовал в Лондоне *Мемуары* Екатерины II⁴. До этого *Мемуары* хранились в секрете и были доступны лишь избранным читателям. В предисловии к своему изданию Герцен пишет о дворцовом перевороте 1740 года и о правлении Елизаветы Петровны. Он обращает внимание читателя на проблему престолонаследия, чтобы показать ему нелегитимность всей политической системы:

Зря в России императорская диктатура старается представить себя традиционной и вековой [...] Российский императорский дом [...] не принадлежит ни семье Романовых, ни Гольштейн-Готторпской фамилии. Признание Екатерины, в этом отношении очень ясно: отец Императора Павла есть Сергей Салтыков⁵.

Все же, ситуация 1740 года не вполне укладывается в аллегорию, появляющуюся на страницах *С того берега*. Во-первых, Иоанн VI родился до того как умерла Анна Иоанновна, а значит, его мать в тот момент не была беременной. К тому же, она и не была вдовой – Антон Ульрих, назначенный генералиссимусом 11/22 ноября 1740 г., был жив и здоров. После переворота он окажется в ссылке и в заключении, переживет собственную жену и умрет только 4/15 мая 1774 г.

Среди других аналогий, которые Герцен подбирает в очерках *С того берега*, чтобы показать, что Европа стоит на пороге нового, есть еще одна, наиболее сильная. Это аналогия с переходом от язычества к христианству

³ При рождении Елизавета Катарина Кристина, принцесса Мекленбург-Шверинская (Elisabeth Katharina Christine, Prinzessin von Mecklenburg-Schwerin).

⁴ *Mémoires de l'Impératrice Catherine II, écrits par elle-même et précédés d'une préface par A. Herzen*, Londres 1859.

⁵ «La dictature impériale en Russie tâche en vain de se représenter comme traditionnelle et séculaire. [...] La maison impériale de Russie [...] n'appartient pas à la famille des Romanoff, mais pas même à la famille de Holstein Gottorp. L'aveu de Catherine, sous ce rapport, est très explicite – le père de L'Empereur Paul est Serge Soltikoff» (*Mémoires de l'Impératrice Catherine II*, p.xiv).

в Римской империи. Как историк, Герцен знает, что падение язычества неизбежно, но как мыслитель и материалист, он не может не испытывать жалость, прощаясь с античной философией:

Те из римлян, которые от тягости жизни, гонимые тоской, страхом, бросились в христианство, спаслись; но разве те, которые не меньше страдали, но были тверже характером и умом и не хотели спастись от одной нелепости принимая другую, достойны порицания? Могли ли они с Юлианом Отступником стать за старых богов или с Константином за новых?⁶

Фигура Юлиана Отступника вообще занимает у Герцена особое место. *С того берега* кончается цитатой легендарных последних слов⁷ римского императора и «умнейшего из реакционеров»: Ты победил, Галилеянин (Vicisti, Galilæe!)⁸. После отмены крепостного права Герцен снова их процитировал на страницах «Колокола». Не исключено, что интерес Герцена к Юлиану в свое время повлиял на Дмитрия Мережковского, подтолкнув его написать замечательный роман, *Смерть богов. Юлиан Отступник*, составивший первую часть трилогии *Христос и Антихрист* (1902–1905).

Христианизация Римской империи находится в одном ассоциативном ряду с крещением Руси в княжение Владимира Святославича в Киеве (980–1015), со временем бурного перехода от язычества к христианству в Восточной Европе. Именно в рассказе об этом времени в *Повести временных лет* мы находим беременную вдову.

В лето 6488 (980) Владимир завершил кровавый, победоносный поход. Отправившись из «Заморья» (Скандинавии), с войском варягов, он вернулся в Новгород, откуда его изгнал его двоюродный брат Ярополк. Потом, он взял приступом Полоцк, истребив всех мужских представителей местной варяжской династии и взяв дочь последнего князя в жены. Уже в Киеве он послушался злого советника Блуда (наделенного «говорящим» именем, как и полагается в подобных эпизодах), приготовив уловку для брата во время мирных переговоров.

И приде Ярополкъ къ Володимиру, и яко полъзе въ двѣри, подъяста ѿ два варяга мечема подь пазусѣ. Блудъ же затвори двѣри и не дасть по немъ внити своимъ. И тако убьень бысть Ярополкъ. [...] Володимеръ же залъже жену братьню грѣкиню, и бѣ neprazдна, от нея же родися Святополкъ. От грѣховнаго бо корени зол плодъ бываеть: понеже была бѣ маги его черницею, а второе — Володимеръ залеже ю не по браку, прелюбодѣйчиць бысть убо. Тѣмъ и отецъ его не любяше, бѣ бо от двою отцю, — от Ярополка и от Володимера⁹.

⁶ А. И. Герцен, *Собрание сочинений...*, т. 6, с. 122.

⁷ Согласно Феодориту Кирскому.

⁸ Там же, с. 141.

⁹ *Повесть временных лет* цитируется по изданию: *Памятники литературы Древней Руси*, т. 1: *Начало русской литературы. XI – начало XII века*, Москва 1978, с. 92.

Пока что Русь еще является языческой. Первые шаги Владимира как киевского князя только подтверждают его верность старой религии:

Нача княжити Володимиръ въ Киевѣ одинь, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна деревяна, а главу его серебряну, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога и Симарьгла, и Мокошь. И жряху имъ, наричюще я боги, и привожаху сыны своя, и дъщери, и жряху бѣсомъ, и оскверняху землю требами своими¹⁰.

Но не пройдет и восьми лет, как Галилеянин победит и здесь, когда тот же Владимир примет крещение и повергнет кумиры. Князь объявит киевлянам:

Аще не обрящеться кто завтра на рѣцѣ, богатъ ли, убогъ, или нищъ, ли работникъ, противень мнѣ да будетъ». Се слышавше людье с радостью идяху, радующеся и глаголюще: «Аще бы се не добро было, не бы сего князь и бояре прияли». Наутрия же изиде Володимиръ с попы царицины и с корсуньскими на Днѣпръ, и снидесе бещисла людий. Влѣзоша в воду, и стаяху овы до шие, а друзии до персий, младии же по перси от берега, друзии же младенци держаще, свѣршени же бродяху, попове же стояще молитвы творяху. И бяше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душъ спасаемыхъ, а дьяволь стения глаголаше: «Увы мнѣ, яко отсюда прогоним есмь! Сде бо мняхъ жилище имѣти, яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ. *И се уже побѣжень есмь от невѣгласа сего, а не от апостоль ни от мученикъ, не имам уже царствовать въ странах сихъ*¹¹.

Итак, все встает на свои места. Мы находим в *Повести* ту же самую аллегорию, сопровождающую ключевой исторический эпизод утверждения христианства на Руси. Беременная (непраздная) вдова – это гречанка, бывшая монахиня. Сын, рожденный от прелюбодейния и от двух отцов (так как никто не знает, является ли он сыном Ярополка или Владимира) – это Святополк «Окаянный». Он законный наследник престола, наравне со своими братьями, сыновьями Владимира. Но в то же время он – сын преступления, и он сам становится преступником из за жажды власти. В 6523 (1015) г., сразу после смерти Владимира, Святополк переходит к действиям. Неудовлетворенный убийством Бориса, самого опасного для него соперника, он мечтает уничтожить всех остальных наследников:

Святополкъ же съ оканьный и злый уби Святъслава, пославъ ко горѣ Угорьсѣти, бѣжащо ему въ Угры. И нача помышляти, яко «Избью всю братью свою и приму власть русьскую единь»¹².

Ситуация действительно в чем-то похожа на ту, которая сложилась в 1849 году. О последнем Герцен пишет: «Проклятие тебе, год крови и безумия, год торжествующей пошлости, зверства, тупоумия! Проклятие тебе!»¹³. В заключении седмой части *С того берега* Герцен восклицает:

¹⁰ Там же, с. 94.

¹¹ Там же, с. 132 (в лето 6496).

¹² Там же, с. 154 (в лето 6523).

¹³ А. И. Герцен А. И., *Собрание сочинений...*, т. 6, с. 107.

Вместо того, чтоб уверять народы, что они страстно хотят того, что мы хотим, лучше было бы подумать, хотят ли они на сию минуту чего-нибудь, и, если хотят совсем другое, сосредоточиться, сойти с рынка, отойти с миром, не насилуя других, и не тратя себя. Может, это отрицательное действие будет началом новой жизни. Во всяком случае это будет добросовестный поступок¹⁴.

История не удовлетворила пожелание Герцена – оставить его в покое. Но, кажется, что его гордый «разрыв с современностью»¹⁵ не только привел его к римской истории, но и заставил обратиться к древнерусскому источнику. Вряд ли он сам сознавал, что находится в долгу перед ними, но топоры *Повести временных лет* были так глубоко укоренены в подсознании автора, что он, возможно, сам не замечал своих аллюзий.

Такой же процесс, кажется, намечается и у Бакунина. В том же самом 1849-м году, по воспоминаниям самого Герцена, Бакунин был «военным начальником» Дрезденского восстания и советовал революционерам рафаэлевскую Сикстинскую Мадонну «поставить на городские стены и ими защищаться от пруссаков, которые *zu klassisch gebildet*, чтоб осмелились стрелять по Рафаэлю»¹⁶. Стало быть, Бакунин слышал в детстве о древнерусской легенде о чуде новгородской иконы Богородицы Знаменье. Как известно из повести, составленной в XV веке, в лето 6677 (1169/1170) князь Андрей Боголюбский «посла сына своего Романа к Новгороду съ всею силою суздальскою. А с нимъ князь Мъстиславль съ смолняны, с торопчяны, с муромци, и с рязанци, и с переяславци, и с всеми князьями всея земля Руская. И бысть всихъ князьй 70 и 2»¹⁷. В такой опасности, молящийся архиепископ Иоанн «слыша глас, глаголющъ сиче: „Иди в церковь святаго Спаса на Ильину улицу и возми икону святую Богородицу и вынеси на острогъ противу супостать”». Созывается крестный ход и «несоша икону на острогъ». Икона, конечно же, спасает новгородцев:

Бывшую же часу 6-му, начаша приступати ко городу вси полци рускыя¹⁸. И спустиша стрѣлы, яко дождь умножень. Тогда же икона Божимъ промысломъ обратися лицемъ на град и видѣ архиепископъ слезы текуща от иконы, и приять въ фелонъ свой. И великое, страшное чудо! Како се можеше быти от суха древа? Не суть бо слезы, но являютъ

¹⁴ Там же, с. 132. Впрочем, есть намек на Святополка в статье Герцена 1860 года: «Об австрийском императоре и говорить нечего, жалче роли после Святополка Окаянного в Червонной Руси не видали и не было». А. И. Герцен, *Собрание сочинений...*, т. 14, 1958, с. 340 (статья *Es Reiten. Drei Reiter*).

¹⁵ А. И. Герцен, *Собрание сочинений...*, т. 6, с. 118.

¹⁶ А. И. Герцен, *Собрание сочинений в тридцати томах*, т. 11, 1957, с. 356 (*Былое и думы*, ч. II [глава IV], *М. Бакунин и польское дело*).

¹⁷ *Памятники литературы древней Руси*, т. 4: *XIV – середина XV века*, Москва 1981, с. 448.

¹⁸ Любопытно, что в древнерусской повести, неприятель – «полци рускыя», а в Дрездене – прусские.

знамение своя милости: симъ бо образомъ молится святая Богородица сыну своему и Богу нашему за град нашъ — не дати в поругание супротивнымъ. Тогда Господь Богъ нашъ умилосердися на град нашъ молитвами святя Богородица: пусти гнѣвъ свой на вся полкы рускыя, и покры ихъ тма, яко же бысть при Моисѣи, егда бо проведе Богъ сквозѣ Чермное море жиды, а фараона погрузи. Тако и на сихъ нападе трепеть и ужась, и ослѣпоша вси, и начаша ся бити межи собою. Се же новгородци видѣ, изыдоша на поле, ови избѣша, а прочихъ живы изымаша¹⁹.

Не мечтал ли анархист Бакунин, «бывший артиллерийский офицер, уч[а] военному делу поднявших оружие профессоров, музыкантов и фармацевтов» в Дрездене, вновь сыграть роль «свят[ого] архиепископ[а] Иван[а]» и «створи[ти] праздникъ светель»?

---

¹⁹ *Памятники литературы древней руси*, т. 4: *XIV – середина XV века*, Москва 1981, с. 450–452.